

Т. В. Мальцева

Образ иконы в богомольном травелогe

Цель статьи – рассмотреть рассказ В. Г. Короленко «За иконой» (1887) как паломнический богомольный травелог, центральным образом которого является чудотворная икона Владимирской Божьей Матери и связанное с ней богомолье. Исследуемый материал предполагает применение приема «иконографического прочтения» реликвии, которая является духовной константой богомольного текста, а также метода экфрастического анализа. Выявлено наличие в богомольном травелогe иконотопоса как опыта внепространственного бытия православного артефакта. Икона-элеуса в паломническом травелогe предстает в единстве с богомольцами и осеняемым ею пространством. Икона задает основной прием описания паломнического сюжета – словесный экфрасис многофигурной многокомпонентной иконы, содержанием которой является богомолье. Словесный экфрасис иконы, созданный в богомольном травелогe, и саму икону объединяет общее иконичное пространство, общее иконотопическое вневременное бытие иконы и богомольцев, взаимное соучастие в иконическом чудотворении иконы и богомольцев.

Ключевые слова: В. Г. Короленко, рассказ «За иконой», паломнический травелог, богомолье, икона, экфрасис.

Для цитирования: Мальцева Т. В. Образ иконы в богомольном травелогe // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 3. – С. 43–60. DOI: 10.35231/25419803_2024_3_43. EDN: YWJXJT

Можно сказать, практически вся общественная жизнь второй половины XIX века была посвящена обсуждению судьбы народа, его будущего, особенно после крестьянской реформы. В целом, очень выразительно направления этой дискуссии описал основатель социальной антропологии, философ и публицист Афанасий Прокопьевич Щапов в своей работе «Умственные направления русского раскола» (1867): «... наше мыслящее меньшинство <...> начинает задумываться над будущностью народных сил, над этим великим вопросом, стоящим теперь <...> на очереди исторического решения <...>».

Масса, чернь, – говорят одни ревнители нового будущего, – это тяжелый, несворотимый тормоз на пути прогресса, это страшная, темная сила, враждебная меньшинству лучших, новых поколений, враждебная науке и развитию. Масса, народ, – говорят другие, – это свежая, непочатая почва для цветущего развития, вечный родник новых, свежих, самостоятельных сил национального прогресса, источник своеобразных коренных начал и основ самобытной национальной гражданственности. Что же такое, в самом деле, масса простого народа?» [21, с. 580].

Вот этот вопрос волновал и интеллигенцию, и публицистов, и писателей. В поисках объединительного начала многие обратились к исследованию духовных основ народного сознания, в том числе к народной мифологии и религии. Именно тогда расцвела русская мифологическая школа. Именно в это время многие писатели обратились к теме народной веры, а в публицистике начался анализ причин народных расколов и ересей. В последней четверти XIX века в отечественной словесности как никогда тесно переплелись мирские и религиозные сюжеты, например, в творчестве И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. Горького и многих других (см.: [14]).

В этот ряд органично входит и Владимир Галактионович Короленко. Короленко был человеком верующим, воспитывался в религиозной семье и в студенческие годы от веры не отказался, хотя участвовал в студенческих волнениях, за что был отправлен в ссылку на 8 лет. За время ссылки побывал в разных местах – Вологодской губернии, Перми, Сургуте, Тобольске, Якутске, Томске и везде старался побывать в святых местах и описать свои паломничества. Таких произведений о посещении монастырей и святых мест у Короленко не так много («На Светлояре», «В ночь на светлый праздник», «За иконой: (этнографические наброски с натуры)», «В пустынных местах: (из поездки по Ветлуге и Керженцу)», «Река играет: эскизы из дорожного альбома» и др.), но их набралось на целый том, изданный московским Сретенским монастырем отдельной книгой [10].

Произведения Короленко периода «нижегородского десятилетия» являются показателем духовного роста молодого автора. Размышления о вере (включая ереси и раскол) осо-

бенно глубоки в рассказе «За иконой», написанном в Нижнем Новгороде, где Короленко осел после ссылки.

Нижегородская земля занимает второе место в России по количеству святынь и монастырей после Москвы и Подмосковья. Здесь сосредоточены самые значимые пустыни и иные сакральные места. В четырех епархиях Нижегородской области сейчас насчитывается 339 церквей, действовали и действуют после восстановления и освящения 25 монастырей и пустынь¹. Путь к одному из них – Оранскому Богородицкому мужскому монастырю – и описан в рассказе. Это паломничество молодого Короленко показывает, что контекст жизненного опыта писателя – один из основополагающих факторов его творчества, а художественная реальность рассказа «За иконой» утверждает историко-культурную ценность паломничества как биографического «жизнетворческого» события (см.: [7]).

Материал и методы

В статье анализируются функции иконы и способы создания ее художественного образа в рассказе В. Г. Короленко «За иконой», который был написан в июле 1887 года. Это одно из ранних произведений так называемого «нижегородского десятилетия». Рассказ был впервые напечатан в журнале «Северный вестник» с подзаголовком «этнографические наброски с натуры»². Подзаголовок свидетельствует, что в основе рассказа лежит реальное событие, а именно богомолье. Рассказ создан под впечатлением от посещения монастыря в селе Оранки, куда Короленко ходил с богомольцами, провожающими во время крестного хода из Нижнего Новгорода святыню Богородицкого монастыря – чудотворную икону Владимирской Божьей Матери. Рассказ создан в рекордно короткий срок: крестный ход продолжался 3 дня – с 19 по 21 июня 1887 года, а в июле рассказ уже был напечатан.

Рассказ пока обойден вниманием исследователей, хотя нижегородский период творчества Короленко изучен достаточно подробно [7; 18–19]. Между тем, рассказ представляет

¹ Нижегородская митрополия. Электронный ресурс. URL: <https://nne.ru/obcategory/existing-monasteries/> (дата обращения: 10.10.2023).

² Короленко В. Г. За иконой: (этнографические наброски с натуры) // Северный вестник. 1887. № 9. С. 1–43.

интерес в разных гуманитарных аспектах: научном осмыслении жанра, который самим автором окончательно не определен (рассказ или этнографический очерк), исследовании результатов совмещения художественного и документального начал, светской и религиозной тематики, в том числе и темы религиозных ересей и раскола, образов хроникера и повествователя и других. Не останавливаясь подробно на этих аспектах, констатируем, что рассматриваем это произведение как паломнический богомольный травелог, центральным образом которого становится чудотворная икона и связанное с ней богомолье. Гипотеза исследования: икона задает основной прием описания паломнического сюжета – создание иконотопоса с помощью экфрасиса многофигурной многокомпонентной иконы. Название рассказа «За иконой» является и приемом сюжетостроения текста: динамика сюжета и последовательность эпизодов задаются движением иконы. Для исследования применена методика экфрастического и культурологического анализа.

Результаты

Тема богомолья во всей красоте и духовной значимости этого события для верующей души запечатлена в обширной мемуарной прозе, обзор которой сделан Ольгой Николаевной Александровой-Осокиной в монографии «Паломническая проза 1800–1860-х годов: священное пространство, история, человек» [1], особенно ярко в повестях Ивана Сергеевича Шмелева [16; 20], в рассказах Бориса Константиновича Зайцева¹ и – дополним – Владимира Галактионовича Короленко. В рассказе «За иконой» представлен особенно торжественный вариант богомолья. Обычно богомолье – это посещение монастырей, церквей и иных святых мест для поклонения особо значимым святыням и духовным реликвиям. В рассказе Короленко богомолье – это паломничество к особому монастырю, сопряженное с сопровождением святыни этого монастыря – чудотворной иконы Богородицы [4; 6].

Цели богомолья описал Иван Александрович Ильин в критической работе «О тьме и просветлении»: «Богомолье! Вот

¹ См., напр.: Глушкова Н. Б. Паломнические «хождения» Б. К. Зайцева: Особенности жанра: дис. ... канд. филол. наук, М., 1999. 197 с.; Пак Н. И. Традиции древнерусской литературы в творчестве Б. К. Зайцева и И. С. Шмелева: дис. ... д-ра филол. наук, М., 2004. 347 с.

чудесное слово для обозначения русского духа... Как же не ходить нам по наши открытым, легким, разметавшимся пространствам, когда они сами с детства так вот зовут нас – оставить привычное и уйти в необычное, оторваться от каменного быта и попытаться прорваться к иному, к светлому и чистому бытию <...> сама Россия требует, чтобы мы обозрели ее и ее чудеса и красоты и через это постигли ее единство, ее единый лик, ее органическую цельность...» [6, с. 181].

В богомольном травелоге «За иконой» взыскиваемое единство обеспечивает икона как духовная реликвия: икона имеет и собирательные, и конкретные черты. Первое подтверждает ее история как главной иконы Москвы и Руси до XVII века. Второе – как чудотворной иконы Богородичного мужского монастыря в Оранках.

Владимирская Богоматерь (рис. 1) – это икона-элеуса (милующая, милостивая, умиление; от греческого слова «ελεος» – сострадание, сочувствие, милость). Владимирская икона Божией Матери – одна из самых почитаемых и древних чудотворных икон Руси. Главные ее чудеса – спасение Москвы и Руси от захватчиков: от нашествия булгар в XII веке, нашествия Тамерлана в XIV веке, нашествия хана Ахмата в XV веке. Многочисленны также чудеса спасения от пожаров, неурожая и болезней. Появившись на Руси в XII веке из Константинополя, икона много странствовала, что тоже всегда сопровождалось чудесами [11; 15].

Рис. 1. Владимирская икона Божией Матери (фрагмент)

Икона показывает момент ласки матери и сына, которые осознают свою грядущую судьбу, о чем говорит всепоглощающая скорбь в глазах Богородицы. Богородица и младенец Иисус избражены в объятии, щека к щеке, в безграничной любви и милости друг к другу. Потому такой тип икон получил название елеуса.

С иконы было сделано 11 «почитаемых списков». Один из них – для основанного в 1634 году «нижегородским боярином Петром Глятковым» (по другим источникам – Глядков, см., напр.: [2]), как пишет Короленко, «пустыньки на Оранском поле». История создания монастыря описана во многих источниках, как дореволюционных, например, «Описание Оранской богородицкой пустыни» иеромонаха Макария (1851) [13], «Описание Оранского Богородицкого монастыря» иеромонаха Гавриила (1871) [5], так и современных [4; 6]. Полагаем, что с дореволюционными источниками В. Г. Короленко был знаком, поскольку легенда об основании монастыря и появлении списка Владимирской иконы включена им в текст очерка «За иконой». Конкретные черты именно Оранской иконы Богородицы описаны в «картинах прошлого», которые появились в воображении рассказчика в уединенной часовне монастыря после окончания всеобщей службы: «Тихий сумеречный час, шорох деревьев и немолчный звон воды (святого источника. – Т. М.) – все это настраивало особенным образом, и в моем воображении поднялись картины прошлого» (с. 33)¹. «Картины прошлого» Короленко включает в богомольный текст в виде заковыченных цитат из «старинной рукописи», записок благодетелей, описей церковного имущества, прямо (например: «по выражению иеромонаха Макария» (с. 35)) либо косвенно указывая авторов: «составитель описания Оранской богородицкой пустыни» (с. 35), «благочестивый комиссар-пожертвователю» (с. 36), «иеромонах-описатель» (с. 36) и т. д. Документальный текст в составе очерка свидетельствует о многочисленных чудесах конкретной иконы и описывает ее главное чудо – спасение Нижнего Новгорода в 1771 году от эпидемии моровой язвы. С тех пор появилась традиция устраивать с иконой крестные ходы, которая поддерживалась почти 150 лет (до 1917 года)².

¹ Цитаты приводятся по изданию: Короленко В. Г. За иконой // Короленко В. Г. Собр. соч. в 10 т. М.: ГИХЛ, 1954. Т. 3. Рассказы и очерки. С. 7–53 с указанием страниц в круглых скобках.

² Традиция возобновлена в 2004 году.

Икона Владимирской Богородицы (Оранская) имеет и отличительные физические черты (рис. 2).

Рис. 2. Оранская-Владимирская икона Божией Матери

Внизу иконы расположены 9 ростовых изображений святых – покровителей семьи Петра Глядкова, основателя и первого настоятеля Богородицкого монастыря и заказчика иконы. Кроме того, мафорий Богородицы и хитон младенца украшены серебряным окладом с жемчугом и драгоценными камнями¹.

¹ У иконы драматичная судьба. Список иконы был сделан в 1634 году. В 1885 году была проведена реставрация иконы на средства потомственных почетных граждан Нижнего Новгорода супругов Рукавишниковых фирмой Сазиковых в Москве. Был изготовлен серебряный с позолотой оклад, богато украшенный жемчугом, бриллиантами, рубинами, сапфирами, изумрудами и аметистами. Видимо, икону в окладе видел Короленко во время богомолья в 1887 году (в рассказе описаны «золотая риза» и «золотой венец» Богородицы). После революции монастырь был закрыт, серебряный с позолотой оклад с драгоценными камнями с иконы был снят. Икона была передана в Нижегородский историко-литературный музей. В сентябре 2008 года икона была возвращена в Оранский Богородицкий мужской монастырь, находится в зимнем храме Рождества Пресвятой Богородицы этой обители. См.: Дёгтева О. В. Судьба Оранской иконы Божией Матери: К проблеме об изъятии церковных ценностей в Советское время // Нижегородская старина. 2006. № 11. С. 31–35. На изображении современный оклад иконы: Электронный ресурс. URL <https://diveevo-monastyr.ru/news/moleben-pered-chtimym-obrazom-ikony-vladimirskoj-oranskoj-bozhiej-materi/#/5>. Вид иконы без оклада: Электронный ресурс. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/457604.html> (дата обращения: 12.06.2024).

Так икона с конкретной биографией, особенным обликом становится действующим лицом и сюжетным лейтмотивом паломнического богомольного травелога. Свойства иконы как священной реликвии задают параметры богомольного текста. Таким образом в паломническом травелоге формируется богомольный иконотопос (термин Валерия Владимировича Лепехина, см.: [12, с. 143]) – опыт внепространственного и вневременного бытия православного артефакта. Икона своим существованием подтверждает возможность выхода из времени в вечность, из храма в пространство, возможность обретения благодати для паломников сейчас на краткий миг созерцания иконы, а потом и навечно. Иконотопос в паломническом травелоге реализуется через иконичные описания слиянности иконы и богомольцев. Средством такого описания считаем «словесную икону» или экфрасис многофигурной многокомпонентной иконы, которая существовала в традициях русской иконописи¹. Создание, то есть творение словом, такой иконы и есть суть богомольного сюжета. Самым распространенным видом такой иконы была икона всех святых, но были и сюжетные иконы, посвященные житию какого-либо святого. В среднике такой иконы изображался святой, а по краям в клеймах – сцены жизни или деяний святого. Примерами таких икон могут быть иконы «Неопалимая купина», «Всех скорбящих радость», житийные иконы святого Георгия, Николая Чудотворца, Богородицы. Приводим пример нижегородской многофигурной богородичной иконы, где в клеймах вокруг фигуры Богородицы с младенцем изображены события из ее жизни (рис. 3)².

Считаем, что в богомольном травелоге «За иконой» воспроизведен словесный экфрасис многофигурной иконы Богородицы. Что же объединяет икону и описание богомолья в травелоге Короленко?

¹ См. об этом: Вальчак Д. Как верующему разобраться в гуще сцен и персонажей? Многофигурные и многоставные композиции в русской иконописи XVII–XIX вв. // Studia Humanitatis. 2022. № 4. Электронный ресурс. URL: www.st-hum.ru (дата обращения: 12.06.2024).

² Икона Богородицы Владимирская Флорищевская находится в Соборном храме Свято-Успенского мужского монастыря Флорищева пустынь в честь Успения Пресвятой Богородицы Выксунской епархии (Нижегородская обл., Володарский р-н, п. Фролищи). Электронный ресурс. URL: <https://nne.ru/objects/svyato-uspenskij-muzhskoj-monastyr-florishheva-pustyn/> (дата обращения: 12.06.2024).

Рис. 3. Икона Богородицы Владимирская Флорищевская

1. Общее иконичное пространство

Икона собирает богомольцев «из окрестностей и отдаленных сел и городов: из Балахны, Городца, Василя». По ходу движения иконы территория ее влияния расширяется: «богомольцы и «поклонники» собираются из Новой деревни, Митино, Вязовки, Каменки, Борисово, Ольгино, Горбатова. Пространство, осеняемое иконой, не ограничивается пятьюдесятью верстами от Нижнего до Оранок и охватывает практически все Поволжье и дальше: дороги иконе открыты на Московский и Арзамасский тракт. Под защитой иконы богомольцы иначе воспринимают окружающее простран-

ство – привычное и знакомое рядом с иконой становится иным: приятным и щедрым. Такое свойство пространству задает начало травелога: «Несколько дней стояло ненастье. Еще в ночь на девятнадцатое июня выпал обильный дождь, а утром ...[н]ебо расчищалось, синело, солнечные лучи играли в лужах, на освеженной зелени висели капли, срывались и сверкали в воздухе. – Порадела, владычица – ведро у бога выпросила, – говорили богомольцы...» (с. 7).

Иконотопическим признаком пространства в богородичном тексте является обратная перспектива и взгляд на пространство извне, как в иконе, где точка взгляда выведена за пределы иконы в глаза молящегося. Тогда далекие предметы кажутся яснее. Соблюдены и иконические иерархические пропорции с явным выделением центрального персонажа – иконы. Так, богомольцы изображены метафорически и обозначены метонимически как людское море или засеянное поле, которые целиком можно увидеть только сверху. Обе метафоры символизируют великое множество: «Когда мы вышли на улицу, ведущую к девичьему монастырю, пестрые передовые толпы уже заливали ее почти сплошными массами» (с. 8); «Рыжие мужицкие гречневики, котомки, лапти, красные сарафаны деревенских молодух, кое-где мещанский ситец, белые платочки – все это отливает по тракту вперед» (с. 10); «Впереди – пологий красивый подъем. Широкою лентой, окаймленная четырьмя рядами развесистых, старых берез, лежит дорога, вся пестрая, вся живая, усыпанная народом»; «...наперерез, из ближней деревни вышла на тракт кучка крестьян и стала в ряд, навстречу приближающейся иконе ... И тотчас же около нее начинается как-то густеть и завиваться прегражденное течение людского потока»; «мимо нас, точно река, сжатая берегами, густо, величаво и плавно несется уже сплошная толпа...» (с. 11) (подчеркнуто здесь и далее нами. – Т. М.).

Текст в рассказе организован так, что пространство видится с высоты как будто самой иконой: это она сверху видит дорогу, «залитую сплошными массами», людскую «реку» богомольцев. Местоположение иконы над «людским потоком» не случайно. Павел Александрович Флоренский объяснял это так: «Как светлое, проливающее свет видение, открывается икона. И как бы она ни была положена или поставлена, не мо-

жешь сказать об этом иначе, чем словом **высится**» [17, с. 52–53] (слово выделено шрифтом Флоренским. – Т. М.).

2. Общее иконотопическое вневременное бытие иконы и богомольцев

В травелогe икона обретает плоть, материализуется, изображается как живая, она сейчас видит и слышит богомольцев, которые прибегают к ее милости. Как бы выходя за пределы иконы, Богородица обретает телесность и физические свойства тела, то есть, по сути, обретает и демонстрирует иконическую концептуальную черту – богочеловечность. Плоть иконы символически соприкасается с плотью богомольцев, которые ложатся под проносимую на руках икону: «Икона проносилась над распростертыми людьми. Счастливы, над которыми она проходила, вставали с умиленными лицами» (с. 30). Икона символизирует вечность, богомольцы – брeнность, но вынесенная за пределы церкви в реальную жизнь икона означает возможность единства земного и небесного, временного и вечного для богомольцев. В рассказе показано слиянное со-бытие богомольцев и иконы, которая открывает богомольцам их божественное признание и предназначение.

Таким образом, иконотопос в богомольном травелогe обретает черты священного пространства и имеет свойства иконического описания. В центре словесной иконы – сама икона, низ иконы представлен людским морем богомольцев. В описании соблюдены пропорции иконы (средника и клейм-эпизодов): «...икона плывет в воздухе над этим океаном обнаженных голов» (с. 12).

3. Взаимное соучастие в иконическом чудотворении иконы и богомольцев

Богомольцы вместе с иконой составляют единое целое: «Страждущий, болящий, немощный и скорбящий люд охватывал икону живою волной, которая вздымалась под влиянием какого-то особенного притяжения. Не глядя друг на друга, не обращая внимания на толчки, все они смотрели в одно место <...> все обращалось к одному центру, туда, где из-за стекла и переплета рамы сияла золотая риза и голова богоматери

склонялась темным пятном к младенцу. Из глубины киота икона производила особенное впечатление. Солнечные лучи, проникая сквозь стекла, сверкали смягченными переливами на золоте ее венца; от движения толпы икона слегка колебалась, переливы света вспыхивали и угасали, перебегая с места на место, и склоненная голова, казалось, шевелилась над взволнованною толпою. Тогда потухшие глаза и искаженные лица оживлялись. По всем этим лицам проходило какое-то веяние, сглаживавшее все различные оттенки страдания, подвопившее их под общее выражение умиления» (с. 28–29).

Последнее подкреплено эпизодами-клеймами вокруг чудотворной иконы, которая является центром богомольного иконотопоса и словесной иконы. Мы обнаружили несколько канонических примеров чудотворения. Образцы чудотворного действия иконы описаны самим автором в «картинах прошлого», взятых из документальных источников: «Чудотворная икона, прежде обращавшая силу свою на посрамление воровских и разбойных поползновений окрестных жителей против старцев и являвшаяся как бы воюющей стороной, теперь изливала свои милости, исцеляла немощных, прогоняла грозовые тучи или призывала благодатные дожди на спаленные нивы. "И процвела есть пустыня яко крин"» (с. 36–37)¹.

Нами обнаружены следующие эпизоды чудотворения иконы во время крестного хода, описанные в рассказе «За иконой».

Эпизод исцеления кликуши

«Кликушу», «порченую» молодую женщину, привели «класть под икону» для исцеления. Ее держат родные, а вокруг «грустно стоят ее однодеревенцы». Кликуша «неистово вырывается из рук, мечется, кидается в стороны» (с. 11). Это распространенный недуг: «Пока до Митина дойдем, штук десять выведут», – говорит какой-то мещанин-богомolec (с. 11). Резкие «нечеловеческие» вопли кликуши перекрывают даже шум толпы и пение хора. Но вот ее кладут под

¹ «Чудеса» от иконы в рассказе Короленко не совпадают дословно с чудесами, описанными в рукописных «Сказаниях» о чудесах иконы Владимирской Божьей Матери, но среди чудес в «Сказаниях», кроме защиты страны от врагов, есть много бытовых случаев, как и в рассказе, – спасение людей от опасности (утопление, обрушение на людей городских ворот и др.), болезней, слепоты, помощь в родах, а также помощь в сохранении урожая и др.

икону и – молодая женщина «вздрагивает», «по-детски» тихо плачет и успокаивается.

Эпизод с крестьянской семьей, просящей Богородицу об урожае

По пути иконы паломники буквально появляются из полей, вырастают из земли, стекаясь по ржаным полям к дороге, по которой несут чудотворную икону: «В одном месте, на полосе, среди хлебов, стояла целая семья: седой старик со старухой впереди, рядом сын большак, поодаль молодуха. Две или три детских головки чуть виднелись среди колосьев. Сзади угасало за горой солнце, и фигуры крестьян рисовались ясно и торжественно над колыхавшеюся рожью» (с. 22). «Насчет хлебушка прибегают к владычице. Мало ли что может случиться? – град, засуха, червяк», – комментируют богомольцы самые насущные просьбы хлебопашцев. Этот эпизод органично вписывается в полотно картины и свидетельствует, что, как и Дева Мария с младенцем, богочеловечны и паломники. Само изображение семьи богомольцев среди хлебов максимально иконично. И Богородицу с младенцем и крестьянскую семью освещает одно и то же солнце. Совпадает и цветовое решение эпизода и полей иконы. Сам эпизод визуализирован как икона: в центре икона Богородицы с младенцем, вокруг нее – 3 поколения семьи хлебопашцев, фоном золото колышущейся ржи как свидетельство милости Богородицы.

Эпизод со старушкой-богомольицей (радение за благою смерть)

Этот эпизод символизирует последний жизненный подвиг человека, просьбу о благодной смерти под сенью иконы. Опирающаяся на палку сгорбившаяся старуха, с трудом передвигая ноги, одиноко, «шаг за шагом», отмеривает свой многотрудный путь. На сомнение проходящих мимо богомольцев – «нешто этак возможно» и «никак не дойти» – старушка отвечает с надеждой: «Авось, матушка владычица донесет. Порадеть хочется матушке ... Стара ... Помирать скоро, – порадеть хочется» (с. 20). Возможно, это путь в одну сторону, и тогда осуществится надежда богомольицы – по смерти остаться под сенью иконы на кладбище монастыря.

Эпизод с видением иконы (чудо освященного места)

Этот эпизод свидетельствует об искоренении грешного места рядом с монастырем. Рассказывает его мужичок из монастырской слободы в качестве аргумента в споре с раскольником, пророчащим гибель монастырю, так как на этом месте раньше был языческий вертеп, и место это «на смердело»: «Так вот в прежние года, не очень давно, у них в этом месте игрища была; девки, бывало, хороводы водят, песни поют, а парни на гармониях играют, в дуды дудят» (с. 44). По легенде, на игрищном поле оказалась некая девица, коей явилось видение: «все кругом провалилось ... Я одна на малым месте стою и ступить мне некуда ... А икона, значит, на облаке в небо поднялась ...» (с. 45). После «игрищу с этих самых пор унистожили, отслужили на том месте молебен с иконой и поставили часовенку» (с. 45). То есть место часовне и будущему монастырю освятила икона. Это самое распространенное чудо иконы – указание своим появлением места будущего храма или монастырской обители.

Обсуждение и выводы

Анализ показал, что в богомольном иконотопосе рассказа «За иконой» представлены многие чудеса и милости иконы Богородицы: исцеление от болезни, указание святого места, чудо о хлебе, чудо об упокоении в святом месте. Все эпизоды чудес являются частью иконного полотна. В богомольном травелоге «За иконой» воспроизведен словесный экфрасис многофигурной житийной иконы Богородицы. Богородичный иконотопос в травелоге обретает черты священного пространства и имеет свойства иконического описания с помощью словесной иконы. В центре словесной иконы – сама икона, низ иконы представлен людским морем богомольцев. Поля иконы образуют клейма-эпизоды чудотворения иконы. Иконографическому описанию богомолья соответствует мотив слиянности иконы и богомольцев в едином молитвенном порыве, выходящем за пределы времени и пространства. Словесный экфрасис иконы, созданный в богомольном травелоге, и саму икону объединяет общее иконичное пространство, общее иконотопическое вневременное бытие иконы и богомольцев, взаимное соучастие в иконическом чудотворении иконы и богомольцев.

Список литературы

1. Александрова-Осокина О. Н. Паломническая проза 1800–1860-х годов: священное пространство, история, человек: монография. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 452 с.
2. Балькина М. И. Нижегородская служилая корпорация первой половины XVII века по данным десятен // Позднесредневековый город: Археология. История: Материалы III Всероссийского семинара. – Тула, 2011. – С. 232–238
3. Балькина М. И. Нижегородские служилые люди А. П. Суровцов и П. А. Глядково: (Два пути самовыражения личности в XVII в.) // Русский исторический сборник. – М.: Киммерийский центр, 2013. – Вып. 5. – С. 305–316.
4. Брызгалова А. А., Ныркова М. А., Кудрина А. А. История изначально Оранского мужского монастыря // Молодой ученый. – 2015. – № 14 (94). – С. 392–395.
5. Гавриил, иеромонах. Описание Оранского Богородицкого монастыря. – Н. Новгород: Типография П. А. Косарева, 1871. – 195 с.
6. Дегтева О. В. Богородицкий мужской монастырь // Нижегородская старина. – 2006. – Вып. 11. – С. 1–9.
7. Закирова Н. Н. «Культурные коды» эпохи в нижегородской автобиографии В. Г. Короленко // Наследие В. Г. Короленко. Стратегии гуманизма. Сб. материалов Второй Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2019. – С. 11–19.
8. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев. – Мюнхен, 1959. – 203 с.
9. Короленко В. Г. За иконой // Короленко В. Г. Собр. соч. в 10 т. М.: ГИХЛ, 1954. – Т. 3. Рассказы и очерки. – С. 7–53.
10. Короленко В. Г. За иконой: Повести и рассказы / Сост., предисл. И. Ковыневой. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – 352 с. (Библиотека духовной прозы).
11. Кучкин В. А., Сумникова Т. А. Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. Матис. – М., 1996. – С. 487–491.
12. Лепахин В. Икона и иконичность. – Сергед: JATEPress, 2000. – 373 с.
13. Макарий, иеромонах. Описание Оранской Богородицкой пустыни. – М.: Типография В. Готье, 1851. – 108 с.
14. Мальцева Т. В. Изучение христианских основ творчества русских писателей в отечественной филологии // Православие и духовно-нравственное становление личности современника. Материалы международной научно-практической конференции «Восьмые Пюхтицкие чтения». – Куремяэ, 2019. – С. 185–190.
15. Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы / Подготовка текста, пер. и комм. В. П. Гребенюка // Библиотека литературы Древней Руси / РАН, ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачёва и др. – СПб.: Наука, 1997. – Т. 4: XII век. – С. 218–225.
16. Полуэктова Н. А. «Богомолье» И. С. Шмелева: к вопросу о жанровом своеобразии // Проблемы целостного анализа художественного произведения. – Брянск, 2005. – Вып. 4. – С. 57–63.
17. Флоренский П. А. Иконостас // Флоренский П. А. Избранные труды по искусству. – СПб: Русская книга, 1993. – С. 1–174.
18. Фортунатов Н. М. В. Г. Короленко в Нижнем Новгороде. 1885–1896. – Горький, 1986. – 159 с.
19. Фортунатов Н. М. Нижегородские метаморфозы русской классики – В. Г. Короленко // Короленковское наследие в самосознании XXI века: сборник материалов Международной научно-практической конференции «Одиннадцатые Короленковские чтения», посвященной 165-летию В. Г. Короленко. – Глазов: ГГПИ, 2018. – С. 68–73.
20. Черников А. П. Повесть И. С. Шмелева «Богомолье» в контексте духовных исканий писателя // Проблема традиций в русской литературе. Межвуз. сб. науч. тр. – Нижний Новгород, 1998. – С. 171–180.
21. Шапов А. П. Умственные направления русского раскола // Сочинения А. Шапова. – СПб.: изд. М. В. Пирожкова, 1906. – Т. 1. – С. 580–647.

Tatiana V. Maltseva

The Image of the Icon in a Pious Travelogue

The article analyzes the story by V. G. Korolenko *Behind the Icon* (1887) as the author's subject of a prayer text. The purpose of the article is to consider the story "Behind the Icon" as a pilgrim prayer travelogue. The central image of the travelogue is the miraculous icon of the Vladimir Mother of God and the prayer associated with it. The material under study involves the use of the technique of "iconographic reading" of the relic, which is a spiritual constant of the prayer text. The method of ekphrastic analysis is also used. The presence of an iconotopic in the prayer travelogue as an experience of the extra-spatial existence of an Orthodox artifact is revealed. The icon in the pilgrimage travelogue appears in unity with the pilgrims and the space it overshadows. The icon sets the main technique for describing the pilgrimage plot – verbal ekphrasis of a multi-figure multi-component icon. The plot content of the icon is prayer. The verbal ekphrasis of the icon, created in a pilgrimage travelogue, and the icon itself are united by a common iconic space, a common iconotopic timeless existence of the icon and pilgrims, mutual participation in the iconic miracle of the icon and pilgrims.

Key words: V. G. Korolenko, novel *Behind the Icon*, pilgrimage travelogue, pilgrimage, icon, ekphrasis.

For citation: Maltseva, T. V. (2024) *Obraz ikony v bogomol'nom traveloge* [The Image of the Icon in a Pious Travelogue]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 43–60. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_3_43. EDN: YWIXJT

References

1. Aleksandrova-Osokina, O. N. (2015) *Palomnicheskaya proza 1800–1860-h godov: svyashchennoe prostranstvo, istoriya, chelovek: monografiya* [Pilgrimage Prose of the 1800s – 1860s: Sacred Space, History, and Man: A Monograph]. Moscow: Flinta: Nauka Publ. (In Russian).
2. Balykina, M. I. (2011) *Nizhegorodskaya sluzhilaya korporaciya pervoj poloviny XVII veka po dannym desyaten* [Nizhny Novgorod Service Corporation of the First Half of the 17th Century Based on Tithes]. *Pozdnesrednevekovyj gorod: Arheologiya. Istoriya: Materialy III Vserossijskogo seminar* [Late Medieval City: Archaeology. History: Proceedings of the III All-Russian Seminar]. Tula. Pp. 232–238. (In Russian).
3. Balykina, M. I. (2013) *Nizhegorodskie sluzhilye lyudi A. P. Surovcov i P. A. Glyadkov: (Dva puti samovyrazheniya lichnosti v XVII v.)* [Nizhny Novgorod Service People A. P. Surovtsov and P. A. Glyadkov: (Two Paths of Personal Self-Expression in the 17th Century)]. *Russkij istoricheskij sbornik* [Russian Historical Collection]. Moscow: Kimmerijskij centr. Issue 5. Pp. 305–316. (In Russian).
4. Bryzgalova, A. A., Nyrkova, M. A., Kudrina, A. A. (2015) *Istoriya iznachaliya Oranskogo muzhskogo monastyrya* [History of the origins of the Oransky Monastery]. *Molodoy uchenyj – Young scientist*. No. 14 (94). Pp. 392–395. (In Russian).
5. Gavriil, ieromonah (1871) *Opisanie Oranskogo Bogorodickogo monastyrya* [Description of the Oransky Bogoroditsky Monastery]. N. Novgorod: Tipografiya P. A. Kosareva. (In Russian).
6. Degteva, O. V. (2006) *Bogorodickij muzhskoj monastyr'* [Bogoroditsky Monastery]. *Nizhegorodskaya starina* [Nizhegorodskaya Starina]. Issue. 11. Pp. 1–9. (In Russian).
7. Zakirova, N. N. (2019) «Kul'turnye kody» epohi v nizhegorodskoj avtobiografii V. G. Korolenko ["Cultural Codes" of the Era in the Nizhny Novgorod Autobiography of V. G. Korolenko]. *Nasledie V. G. Korolenko. Strategii gumanizma. Sb. materialov Vtoroj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [The Legacy of V. G. Korolenko. Strategies of Humanism. Collection of Materials of the Second All-Russian Scientific and Practical Conference]. N. Novgorod: NNGU im. N. I. Lobachevskogo. Pp. 11–19. (In Russian).

8. Il'in, I. A. (1959) *O t'me i prosvetlenii. Kniga hudozhestvennoj kritiki. Bunin – Remizov – SHmelev* [On Darkness and Enlightenment. Book of Art Criticism. Bunin – Remizov – Shmelev]. Munich. (In Russian).

9. Korolenko, V. G. (1954) *Za ikonoy* [Behind the Icon]. *Korolenko V. G. Sobr. soch. v 10 t.* [Korolenko V. G. Collected Works in 10 Volumes]. Moscow: GIHL Publ. Vol. 3. Rasskazy i ocherki. Pp. 7–53. (In Russian).

10. Korolenko, V. G. (2008) *Za ikonoy: Povesti i rasskazy* Sost., predisl. I. Kovynevoj [Behind the Icon: Stories and Short Stories. Comp., Preface by I. Kovyneva]. Moscow: Izd-vo Sreten-skogo monastyrya. (Biblioteka duhovnoj prozy) (In Russian).

11. Kuchkin, V. A., Sumnikova, T. A. (1996) *Drevnejshaya redakciya Skazaniya ob ikone Vladimirskoj Bogomateri* [The Oldest Edition of the Tale of the Icon of the Vladimir Mother of God]. *CHudotvornaya ikona v Vizantii i Drevnej Rusi. Matis* [The Miraculous Icon in Byzantium and Ancient Rus'. Matisse]. Moscow. Pp. 487–491. (In Russian).

12. Lepahin, V. (2000) *Ikona i ikonichnost'* [Icon and Iconicity]. Seged: JATEPress. (In Russian).

13. Makarij, ieromonah (1851) *Opisanie Oranskoj Bogorodickoj pustyni* [Description of the Oran Mother of God Hermitage]. Moscow: Tipografiya V. Got'e. (In Russian).

14. Mal'ceva, T. V. (2019) *Izuchenie hristianskih osnov tvorchestva russkih pisatelej v otechestvennoj filologii* [Study of Christian foundations of creativity of Russian writers in domestic philology]. *Pravoslavie i duhovno-nravstvennoe stanovenie lichnosti sovremennika. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Vos'mye Pyuhtickie chteniya»* [Orthodoxy and spiritual and moral formation of personality of contemporary. Materials of the international scientific and practical conference "Eighth Pyukhtitsa readings"]. Kuremyae. Pp. 185–190. (In Russian).

15. Lihachyov, D. S. (1997) (ed.) *Skazanie o chyudesah Vladimirskoj ikony Bogorodicy. Podgotovka teksta, per. i komm.* V. P. Grebenyuka [The Tale of the Miracles of the Vladimir Icon of the Mother of God; preparation of the text, trans. and comment. V. P. Grebenyuk] *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus] RAN. IRLI; pod red. D. S. Lihachyova i dr. St. Petersburg: Nauka Publ. Vol. 4: XII vek. Pp. 218–225. (In Russian).

16. Poluektova, N. A. (2005) «Bogomol'e» I. S. SHmeleva: k voprosu o zhanrovom svoe-obrazii ["Pilgrimage" by I. S. Shmelev: on the issue of genre originality]. *Problemy celostnogo analiza hudozhestvennogo proizvedeniya* [Problems of a holistic analysis of a work of art]. Bryansk. Issue. 4. Pp. 57–63. (In Russian).

17. Florenskij, P. A. (1993) *Ikonostas* [Iconostasis] Florenskij P. A. *Izbrannyye trudy po iskusstvu* [Florensky P. A. Selected works on art]. St. Petersburg: Russkaya kniga Publ. Pp. 1–174. (In Russian).

18. Fortunatov, N. M. (1986) *V. G. Korolenko v Nizhnem Novgorode. 1885–1896* [V. G. Korolenko in Nizhny Novgorod. 1885–1896]. Gor'kij. (In Russian).

19. Fortunatov, N. M. (2018) *Nizhegorodskie metamorfozy russkoj klassiki – V. G. Korolenko* [Nizhny Novgorod metamorphoses of Russian classics – V. G. Korolenko]. *Korolenkovskoe nasledie v samosoznanii XXI veka* [Korolenko's legacy in the self-awareness of the 21st century]. Collection of materials from the International scientific and practical conference "Eleventh Korolenko Readings" dedicated to the 165th anniversary of V. G. Korolenko. Glazov: GGPI. Pp. 68–73. (In Russian).

20. CHernikov, A. P. (1998) *Povest' I. S. SHmeleva «Bogomol'e» v kontekste duhovnyh iskanij pisatelya* [I. S. Shmelev's story "Pilgrimage" in the context of the writer's spiritual quest]. *Problema tradicij v russkoj literature. Mezhvuz. sb. nauch. tr.* [The problem of traditions in Russian literature. Interuniversity collection of scientific papers]. Nizhnij Novgorod. Pp. 171–180. (In Russian).

21. SHCHapov, A. P. (1906) *Umstvennyye napravleniya russkogo raskola* [Intellectual directions of the Russian schism]. *Sochineniya A. SHCHapova* [Works by A. Shchapov]. St. Petersburg: izd. M. V. Pirozhkova. Vol. 1. Pp. 580–647. (In Russian).

Об авторе

Мальцева Татьяна Владимировна, заведующий научно-образовательным центром русского языка и литературы Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Российская Федерация); E-mail: kafilit@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8432-4314

About the Author

Maltseva Tatiana V., Head of the Scientific and Educational Center of the Russian Language and Literature, Pushkin Leningrad State University, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russian Federation); E-mail: kafilit@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-8432-4314

дата получения: 10.07.2024 г.
дата принятия: 30.07.2024 г.
дата публикации: 30.09.2024 г.

date of receiving: 10 July 2024
date of acceptance: 30 July 2024
date of publication: 30 September 2024